

*Моей тете Лили,
которая сделала этот мир лучше.
Я никогда не забуду ее*

ПРОЛОГ

Май 1974 года. Лос-Анджелес

На экране монитора, расположенного над кроватью молодой пациентки, бесшумно бежали светящиеся зигзаги. Последний час всплески на кардиограмме появлялись все реже. Оснований для паники не было, но и оптимизма тоже ничто не вселяло.

В палате интенсивной терапии у загерметизированного окна стояла дежурная сестра Данвуди. Она задумчиво смотрела на ночной Лос-Анджелес, сияющий тысячами огней. Наконец, налюбовавшись этой картиной, Данвуди перевела взгляд на трубочку у койки номер четыре, где лежал дешевый стальной браслет с международным медицинским символом — змейкой, обвивающей красный жезл. В отблесках света от экрана электрокардиографа он казался зеленым.

Медсестра занесла данные о состоянии больной в формуляр. Температура сорок. Давление снизилось до восьмидесяти. Пульс замедлился. Из капельницы продолжал поступать раствор. Больная с четвертой койки была миловидной женщиной двадцати четырех лет. Ее темные волосы слиплись от пота и спутанными прядями спадали на бледный лоб. Состояние пациентки постепенно ухудшалось. Еще вечером давление было на уровне девяноста.

Десять дней назад эта женщина обратилась в отделение скорой помощи с жалобами на боли в области влагалища. А сейчас она уже была при смерти. Заражение крови, сепсис. Организм сам себя отравлял токсинами. Пациентке трижды делали полное переливание крови, никакие лекар-

ства она уже не воспринимала. На вчерашней пятиминутке доктор Витеман, главный врач отделения интенсивной терапии, объявил персоналу, что шансов умереть у больной семьдесят процентов из ста.

Об этом размышляла сестра Данвуди, переходя к койке номер три. На ней лежал шестидесятилетний мужчина, час назад перенесший операцию по тройному шунтированию коронарной артерии. Да, статистика. В этой больнице, а Данвуди проработала здесь три года, показатель летальности держался на уровне двадцати процентов: умирал каждый пятый больной. Грустные мысли мешали ей выполнять привычную работу. Сестра проверила капельницу, индивидуальный вентилятор, поправила один из датчиков на груди мужчины. Затем списала с его формуляра показатели пульса, уровень кислорода в крови, температуру, кровяное давление. Мысль о проценте смертности засела у нее в голове. Каждый пятый. Точная и безжалостная статистика. Каждого пятого на каталке вывезут отсюда, с седьмого этажа больницы, в просторном служебном лифте спустят в холодный, пахнущий дезинфекцией морг. Желтой биркой, прикрепленной к большому пальцу левой ноги, пометят мертвеца. Далее его путь лежит в похоронное бюро. Если же на пальце, кроме желтой, висит еще и коричневая бирка, то труп, прежде чем отправить в похоронное бюро, подвергнут вскрытию. После этой процедуры его сунут до прибытия ритуальной службы в полиэтиленовый мешок и задвинут в одну из ячеек холодильника.

И наконец, последнее пристанище — крематорий или могила. Или... Тут сестра Данвуди бросила взгляд на металлический браслет, лежавший на тумбочке рядом с больной. Мерцавший зеленым светом, он казался живым, не вписывающимся в окружающую печальную реальность. Вещь из другого мира, символ бессмертия. Его вид завораживал сестру Данвуди.

В это время предрассветную тишину улицы нарушили завывания сирены. Данвуди почувствовала какое-то непо-

нятное смятение, будто налетевший порыв ветра обдал ее леденящим дыханием.

Сестре очень бы хотелось поговорить с молодой женщиной об этом браслете с универсальным медицинским символом. Но больная почти все время была без сознания, а когда приходила в себя, начинался бред и она бормотала какое-то имя. Ее никто не навещал, никто ею не интересовался, о ней почти ничего не было известно. Судя по шраму на животе, в прошлом ей уже делали операцию, возможно кесарево сечение. Однако в регистрационной карте в графе «Дети» она написала «Нет», а в качестве ближайших родственников указала кого-то в Англии.

Может быть, эта женщина — одна из тех тысяч искателей счастья, бросивших все и приехавших в Голливуд в поисках славы! Слишком многие из таких попадают сюда, например после передозировки наркотиков. Браслет привлекал внимание Данвуди. Ей казалось, что сегодня он светится ярче обычного. Сестра прислушалась к равномерному шипению в трубках, звуку работающего вентилятора у койки номер три. Его вращение вызывало такое же слабое движение воздуха в палате, как медленное течение крови в жилах пациентки. Часы показывали 3:30 утра.

Данвуди огляделась по сторонам. Другие сестры тоже заполняли карточки-формуляры на своих больных, сновали с пустыми, безучастными глазами в лесу капельниц между кроватями дремлющих пациентов. Иногда женщины загромождали от Данвуди изображения на мониторах — эти колеблющиеся блики и мерцание экранов. Временами, особенно поздно ночью, как сейчас, ее все раздражало в этом царстве техники на границе между жизнью и смертью.

Периодически в палату забегал мужчина в шуршащем белом медицинском костюме — дежурный врач. Он наскоро осматривал больных, заглядывал в их медицинские карты, смотрел на мониторы. И тут же, бесшумно ступая резиновыми подошвами по ковровому покрытию, исчезал в своем кабинете.

Данвуди неотрывно смотрела на браслет. Громкие тревожные сигналы не привлекли ее внимания. И только когда дежурный врач промчался мимо, она увидела, что электрокардиограмма на экране над головой женщины вытянулась в прямую неподвижную линию.

— Массаж сердца! — Дежурного охватила паника.

Он сдернул рубашку с больной, сложил руки в замок и начал с силой ритмично нажимать на ее грудную клетку. Одновременно врач следил за монитором, заклиная его зарегистрировать хоть какие-то изменения. Неожиданно дежурный схватил сестру Данвуди за руки и резко бросил:

— Замените меня! Не останавливайтесь!

Сестра принялась нажимать на грудь больной, но зрачки ее продолжали расширяться.

Сам же дежурный схватил браслет и кинулся в приемную — крошечный офис позади компьютерного дисплея. Сейчас здесь было темно и тихо. Стремительным движением врач сорвал телефонную трубку, набрал девятку для выхода на городскую линию, затем номер на браслете и прижал трубку к уху.

— Ну давай же, господи, давай! Отвечай. Отвечай же, черт тебя побери! Давай же, давай!

В трубке слышался лишь ровный резонирующий звук. Может, нет никого? Судя по гудку, телефон работал. А может, не соединилось? Дежурный врач дрожащими пальцами заново набрал номер. Тот же гудок. Наконец кто-то отозвался.

Голос был сонным и равнодушным.

— Я из больницы Святого Джона, — тревожно звучало в трубке. — У вас в запасе есть агрегат для одной нашей пациентки?

Сонный голос на другом конце провода несколько ожил:

— Верно. И кто же это?

Дежурный назвал имя больной.

Защуршали бумаги, и тот же голос произнес:

— Да, агрегат есть. Но мы не ожидали ничего такого раньше завтрашнего дня.

— Мы тоже, — нетерпеливо сказал врач. — Когда вы придете?

— Дайте нам полчаса, а лучше — час, — колебались на другом конце провода. — Как чувствует себя больная?

— Сердце остановилось, — сказал врач.

— Вы делаете массаж сердца? Продолжайте, пока не подыдем. — Голос стал более участливым. — Вы можете ввести какие-нибудь антикоагулянты, например гепарин?

— Конечно.

— У вас кто-нибудь может засвидетельствовать смерть?

— Да, я, — нетерпеливо ответил врач.

— Хорошо, я выезжаю с бригадой. Вы уже позвонили доктору? — осведомился голос.

— Сейчас я это сделаю.

Дежурный врач положил трубку, извлек из своего бумажника смятый клочок бумаги и расправил его. Записанный с месяц назад чернилами номер телефона расплылся, но цифры еще можно было различить. Он набрал номер, услышал в ответ старческий голос и, оглянувшись, произнес:

— Все случилось слишком быстро.

Молодая женщина лежала в неглубоком контейнере, обложенная льдом. Сестра Данвуди помогла вкатить тележку в пятую операционную, которую им разрешили использовать. Она с недоверием и любопытством рассматривала аппаратуру. Крупный мужчина в запачканных рабочих брюках и теннисных туфлях подсоединил аппарат искусственного кровообращения, установленный на подвижной тележке. Двое других мужчин в обычной одежде наполняли льдом высокий пластмассовый ящик.

Данвуди продолжала делать массаж сердца уже мертвой девушке: никаких всплесков на кардиограмме, а слабый пульс появился от механических нажатий. Сестра наблюдала за происходящим с нездоровым любопытством и одновременно с нарастающим ужасом. Над огромным ящиком, будто из открытого морозильника, поднималось облако пара. Данвуди передернуло.

В операционную вошел пожилой человек в очках и в глубокой хирургической форме. В молодости он, вероятно, был очень красив. Даже сейчас его внешность производила сильное впечатление. Мужчина помоложе и женщина, одетые в такие же медицинские костюмы, следовали за ним. Дежурный врач тоже облачился в хирургическую одежду.

— Позовите меня, если возникнут какие-то сложности, — обратился он к сестре, освобождая ее от обязанности продолжать осмотр.

Она кивнула в ответ, затем остановилась в нерешительности. Две другие ночные медсестры подменяли ее в палате, а Данвуди сторала от любопытства, пытаясь представить себе, что же здесь произойдет.

Наконец Данвуди вышла из операционной, но продолжала наблюдать за происходящим сквозь стеклянную дверь. Бригада работала быстро и слаженно. Сестра увидела, как с женщины сдернули больничную одежду, подсоединили тело к искусственным легким и сердцу. Одновременно в трахею ввели трубку. Дежурный врач из отделения ввел полую иглу в тыльную сторону ладони, один из ассистентов подвесил емкости с растворами на стойку для капельниц. Мощными толчками дефибрилятора в область грудной клетки они пытались заставить сердце заработать. Пожилой мужчина быстро ввел мертвой женщине несколько кубиков лекарства. Другой, в котором сестра узнала кардиохирурга из их больницы, сделал скальпелем надрез в паху. Она угадала их намерение обнажить бедренную артерию.

Часом позже осторожно, чтобы не сорвать подсоединенные трубочки, мертвое тело приподняли и уложили в ящик со льдом. Техник переключил электропитание аппаратуры с электросети на компактную переносную батарею. В ящик подложили еще несколько мешочков со льдом, накрыли контейнер крышкой и поспешно покатали мертвую женщину вместе с аппаратурой к лифту.

«Несчастные дураки, — думала глубоко потрясенная Сьюзен Данвуди. — Жалкие обманутые дураки».

Февраль 1982 года. Торонто. Канада

Джо Мессенджера в четверть третьего ночи разбудил резкий телефонный звонок.

Сначала Джо подумал, что звонит будильник. Потом, испугавшись чего-то, подскочил к телефону. Окончательно его заставил проснуться прозвучавший в трубке обеспокоенный голос ночной сестры из главной больницы Торонто. Джо включил ночник, расплескав при этом воду из стакана.

— Доктор Мессенджер, ваш отец зовет вас. Он очень хочет с вами поговорить.

Отец Джо был убежден, что в один прекрасный день человечество победит смерть. И наверное, поэтому и еще потому, что с семи лет Джо рос без матери, он не мог примириться с тем, что однажды умрет и отец.

— Как он? — с тревогой спросил Джо.

— Боюсь, он очень слаб... — ответила сестра и после некоторой заминки добавила: — Хорошо бы вам подъехать прямо сейчас.

— Конечно, я выезжаю, — поспешно заверил профессор.

Помолчав, она продолжила:

— Ему нужно срочно сказать вам что-то важное. Похоже, он хочет вас предупредить...

Джо натянул на себя синюю джинсовую рубашку, пуловер и вельветовые брюки, брызнул в лицо водой и забегал по мастерской в поисках ботинок. Он нашел носки, но ботинок нигде не было. Сгодились бы любые, так как идти предстояло далеко. Поспешно, смятая задники, Джо сунул ноги в мокасины, в которых обычно шлепал возле дома, схватил стеганую куртку и шерстяные перчатки. Нашел ключи от машины и выбежал в коридор.

Джо нырнул в лифт. Застоявшийся запах сигарет и приторных духов ударил ему в нос и вызвал тошноту. Желудок подвело. Нервы. Он поправил сбившийся на пятке носок,

посмотрел на себя в зеркало, пригладил ладонями короткие светлые волосы.

Джо было двадцать шесть лет. Крепкую атлетическую фигуру, рост более шести футов и сильный характер он унаследовал от отца. Правильные черты лица и глубокие синие глаза достались ему от матери. Ни своей внешности, ни жилищу, ни машине он не придавал особого значения. Это сообщало ему некий шарм и оригинальность. Его главным увлечением, пожалуй даже страстью, была работа. Он уже получил звание доктора медицины, защитив в Гарварде диссертацию по неврологии. В настоящее время Джо занимался искусственным интеллектом и намеревался посвятить этой теме всю оставшуюся жизнь. Но при этом хотел идти иными путями, чем его отец, никогда не изменявший своему делу.

В зеркале лифта отразилось усталое, осунувшееся лицо с черными кругами под глазами. Вчера Джо работал допоздна, ничего не ел и, хотя не пропустил свою ежедневную гимнастику, находился буквально в стрессовом состоянии. Попытки забыть об умирающем отце ни к чему не привели. Все равно сон его всегда был тревожным и чутким.

Джо чувствовал резь в глазах. Они были влажными от усталости и пролитых слез: вчера ему удалось уснуть только к полуночи. Пока он еще мог чувствовать себя мальчиком, у которого есть папа, но понимал, что близится день, когда останется лишь память о лучшем в мире, замечательном отце.

«Интересно, что скажет отец», — думал Джо, спускаясь в лифте вниз. Это в стиле Вилли Мессенджера. Частенько ему приходила в голову какая-нибудь блестящая идея, а через несколько дней он уже занимался совершенно другой работой. Иногда он бывал глубоко обеспокоен силой и возможностями науки. Порой, как любой другой ученый, видел в этой силе только добро.

Лифт звякнул и остановился на первом этаже, двери разъехались. Джо пересек площадку, откинул задвижку и открыл дверь. Шагнув вперед, он неожиданно ощутил под ногами сырость.

Черт.

Снег валил хлопьями размером с мячик для гольфа, и такой «мячик» шлепнулся Джо прямо на нос. Следующий «снаряд» приземлился на голову и сразу же растаял, стекая на лоб. Снегопад был сильный. Джо приподнял вытянутую ногу, и снег моментально облепил ботинок. На мгновение Джо заколебался — не пойти ли переобуться, но времени было в обрез.

На парковке Джо нашел двухметровый сугроб в форме машины. Он сгреб снег с бокового стекла, часто моргая от попадавших в глаза снежинок, отряхнул ручку дверцы, вставил ключ и потянул ее на себя. Она с хрустом открылась, раскрошившийся лед насыпался в перчатку.

Джо мокасином смахнул снег с порожка, влез в кабину, выжал до конца педаль газа и повернул ключ зажигания. Аккумулятор, как и автомобиль, доживал свой век. Мотор завелся с трудом, но потом вроде бы ожил. Из выхлопной трубы вырывались клубы дыма. Вдоль дороги медленно ползла снегоуборочная машина. Свет ее маячка пробивался сквозь снежную завесу.

Погода разошлась не на шутку. Джо с трудом осилил три мили по направлению к Торонто. Он почти прилип лбом к ветровому стеклу, ежеминутно протирая его промокшей перчаткой. В снежной ночной круговерти свет передних фар его машины освещал дорогу не ярче свечи. Джо ехал наугад, как слепой. Он был полностью поглощен своим горем и едва ли осознавал опасность.

«Плимут» скользнул по больничному пандусу вверх на почти пустынную стоянку. Надписи на столбах были залеплены снегом. «ТОЛЬКО ДЛЯ ...ЛА» — можно было прочесть на одном из них. «...УПР... К... НИЯ» — значилось на другом. Перед ним в углу и остановился Джо.

Потопав ногами, он стряхнул с обуви снег. Ночной охранник больницы оторвался от телевизора и с кривой улыбкой произнес:

— Проходите.

Джо нервно кивнул, проглотив ком в горле. Все вдруг показалось ему странным, нереальным, словно во сне. На черно-белом экране монитора перед охранником шел снег. Джо перевел взгляд на второй монитор — там тоже снег. И тут только понял, что это не фильм, а вид больничного двора.

Машинально Джо направился к лифтам и нажал кнопку на панели. В открывшейся кабине лифта он с удивлением увидел протеже своего отца, некоего Блейка Хьюлетта. Раньше Блейк тоже работал над исследованиями в области нервной деятельности. Потом занялся криобиологией под руководством Вилли Мессенджера сначала в Штатах, затем здесь, в Торонто, в лаборатории при больнице по заготовке человеческих органов для трансплантации.

Блейк ничем не выразил своего удивления, как будто это совершенно обычное дело — встретить знакомого среди ночи в лифте больницы.

— Привет, — поздоровался Джо.

У них с Блейком были весьма непростые отношения. Они то держались на расстоянии, то вдруг Блейк начинал вести себя заботливо, как старший брат. Сейчас Блейк проявил внимание.

— Я к отцу. Мне только что звонили. Ты понимаешь, что это может означать.

Блейк положил руку на плечо Джо. Этот избалованный, богатый, благодаря унаследованному состоянию отца, хирург, специалист по пластическим операциям, отличался непоколебимой уверенностью в себе, граничившей с надменностью и самодовольством. Он был очень высок — шести футов и шести дюймов ростом, — худощав; его темные волосы были собраны сзади в маленький хвостик, открывая приятное лицо славянского типа. На Блейке было пальто в елочку, с поднятым воротником, и резиновая обувь.

— Я заглядывал к нему около десяти. Он выглядел неплохо, только, пожалуй, вид у него слегка усталый, — сообщил Блейк.

— Ты так поздно работал? — спросил Джо.

Блейк кивнул:

— Жертва дорожного происшествия — донор органов. Все думали, что пострадавший умрет, — на лице Блейка промелькнула какая-то странная улыбка, — но он не умер. Держи пальцы скрещенными за отца, — бросил он.

— Ты ведь придешь, правда же... если... — Голос Джо задрожал, в нем слышались слезы благодарности неожиданно проявившему участие Блейку.

— Я обязательно приду, но еще рано говорить об этом, Джо. Твой отец упрямый мужик, он встанет на ноги через несколько дней, вот увидишь.

— Конечно. — Джо с трудом выдавил из себя улыбку, вошел в лифт и нажал кнопку четвертого этажа.

Джо вышел из лифта, и двери за ним бесшумно закрылись. В давящей тишине коридора слышалось только гудение неисправной мигающей лампы дневного света. Оставляя мокрые следы на пахнущем свежей мастикой линолеуме, он прошел мимо тележек с чистым бельем и инструментами. Мимо закрытых и распахнутых дверей кабинетов, темной столовой. Мимо доски объявлений. Миновав вывеску «Палата Св. Марии», он свернул за угол.

Из открытых дверей кабинета падал свет, в его пятне обозначилась человеческая тень: там кто-то был. Тающий снег стекал за воротник. Джо поймал свое отражение в темном окне и увидел снежную корочку на волосах. Он смахнул ее рукой и потряс головой. У входа в палату его встретила медицинская сестра по имени Анна Вогель — имя значилось на приколотом к ее халату бейджке. Джо показалось, что он уже когда-то видел эту девушку.

Джо сконцентрировался на приколотом булавкой белом пластиковом квадратике с черной надписью. Один уголок откололся. Анна Вогель. Он смотрел на бейдж и боялся поднять глаза, чтобы не встретиться со взглядом медсестры, которая лишит его последней надежды. Джо смутно припоминал это лицо в оспинках, обрамленное волнистыми каштановыми волосами.

— Мне очень жаль, доктор Мессенджер. — Вот все, что она ему сказала. И только это расслышал Джо.

Он кинулся в палату, слезы застилали ему глаза, сознание случившегося переполняло болью.

— Папочка, папуля, папа!

Глаза и рот старика были закрыты. Джо почувствовал облегчение оттого, что сестра уже закрыла ему глаза. Он был бы не в силах сделать это сам. Лицо отца походило на спущенный футбольный мяч. Черные, словно нарисованные углем, борозды прорезали серые щеки. Неестественно розовый череп облепили спутанные пряди седых волос. Сердце Джо разрывалось при виде наглухо застегнутой полосатой пижамы: отец никогда не застегивал верхнюю пуговицу.

Неподвижность. Такая страшная неподвижность. Отец выглядел неожиданно маленьким, а ведь при жизни он считался гигантом.

Рядом на тумбочке стоял стакан с недопитой водой и лежала книга «Модулирование разума». Судя по закладке, она была прочитана на три четверти. Мысль, что отцу уже не суждено дочитать эту книгу, резанула по сердцу. Джо разрыдался, опустился перед кроватью на колени и взял руку отца. Крепко сжав ее, Джо ощутил еще сохранившееся слабое тепло. Когда-то ему, маленькому мальчику, эта рука казалась огромной и сильной. А сейчас она была словно из пластилина. Джо прижал ее к щеке. Ему вспомнилось, как еще вчера вечером, каких-то восемь часов назад, отец, стиснув изо всех сил его руку, сказал:

— Непременно сделай это, сын, хорошо?

Джо вспомнил свое обещание, снял телефонную трубку и набрал номер. Одновременно он просунул руку под пижаму и начал делать массаж сердца. Он зажал трубку между ухом и плечом и продолжил массаж обеими руками.

Несмотря на снег, бригада приехала очень быстро. Меньше чем через двадцать минут после зафиксированной смерти Вилли Мессенджер был доставлен в операционную. По крайней мере, Джо чувствовал удовлетворение от сознания, что когда-нибудь отец будет ему благодарен.

Сентябрь 1987 года. Лос-Анджелес

Трехэтажный дом под номером III на бульваре Ла-Синегра на южной окраине Беверли-Хиллз. Здание ничем не примечательно, кроме адреса. Зажатый между заправочной станцией с одной стороны и рядом замызганных лавок и контор с другой, этот безликий дом сам походил на учреждение типа налогового управления.

Рассмотреть что-либо с улицы сквозь окна фасада было совершенно невозможно. Двор позади здания скрывали высокие стены с массивными воротами.

Те, кто знал, что это за здание, проходя мимо, ускоряли шаг. Другие задерживались, с любопытством разглядывали электронную систему безопасности на входной двери, недоумевая, почему отсутствует табличка с названием компании. Окутанный тайной дом вызывал темные слухи. Наиболее религиозные соседи, избегая проходить слишком близко от дома, предпочитали противоположную сторону улицы.

В четверть первого ночи мало кто мог видеть, как к воротам подъехал грузовик «форд». Водитель позвонил и назвал: Уоррен Отак. Ворота разъехались, выпустили ярко-оранжевый трехтонный фургон с надписью «Аренда грузовиков» и вновь сомкнулись.

Отак проехал через двор, развернулся и задом подал к погрузочной платформе. Тишину душевной ночи нарушил скрежет поднявшейся металлической двери в стене дома. В дверном проеме показались четверо мужчин: трое в костюмах и один в униформе охранника. В помещении в специальном гнезде на подставке покоилась сигарообразная алюминиевая труба девяти футов длиной и четырех — в диаметре. Мужчины осторожно перемещали ее, аккуратно подвешенную на ремнях, на транспортную тележку. К цилиндру был пристегнут серый газовый баллон с надписью «Жидкий азот». В металлических боках трубы отражались красные задние огни автомобиля. Непонятный

предмет напоминал Уоррену Отаку очертания космического корабля.

Один из мужчин в костюме обратил внимание Отака и его помощника Эрни Бекса на два прикрепленных к трубе термометра. Температура на них указывалась в градусах Цельсия и стояла на отметке «-140».

— Максимально. Возможное отклонение — плюс-минус пять градусов, — сказал мужчина.

Он показал Уоррену и Эрни, как регулировать температуру, добавляя или перекрывая газ. Затем вручил два комплекта защитных костюмов с обувью, перчатками и на случай аварии — кислородными масками.

Трубку погрузили за полтора часа: сначала пол грузовика покрыли слоем пены, а затем опустили подвешенную трубку и закрепили ее ремнями. Водителей еще раз предупредили относительно чувствительности груза. Любой резкий толчок мог привести к взрыву, поэтому скорость движения ограничивалась десятью милями в час. Такими темпами груз можно было доставить по назначению как раз до начала интенсивного движения.

— Нет проблем, — неестественно бодро заверил Отак.

Он включил дальний свет, выехал со двора и, следуя вдоль домов по Ла-Синеге, повернул на восток.

Через час их остановила патрульная машина. Странно, что этого не случилось раньше.

— У вас что-то случилось? — спросил один из полицейских, осветив лицо Отака фонарем.

Водитель прищурился, разглядывая копа. На крыше патрульного автомобиля вспыхивал двойной красный фонарь.

— Нет, — ответил Отак, с трудом сдерживая привычную неприязнь к полиции. — Все в порядке.

— Вы ехали со скоростью четырнадцать миль в час...

— Да просто я боюсь превысить скорость, не хочу иметь дырку в моем чистом талоне.

Отак явно врал. Однако полицейский, видимо, не обладал чувством юмора. Он направил луч фонаря в лицо Бексу, но тот сидел молча.

— Покажите ваши водительские документы, — снова обратился коп к Отаку.

Водитель извлек из кармана пиджака бумажник. Полицейский внимательно изучил права, сличая фотографию с оригиналом, затем вернул их.

— Что у вас сзади? — спросил он.

Отак уловил краем глаза усмешку Бекса и, увидев нарастающую подозрительность полицейского, в свою очередь широко улыбнулся.

— Вы сегодня пили, мистер Отак? — спросил коп, приблизив свое лицо к Отаку и напряженно прищуриваясь.

— Я не пью, — ответил водитель.

— Принимали наркотики? — не унимался полицейский.

— Наркотики тоже не принимаю.

Отак снова улыбнулся. Но на этот раз довольно кисло. Наркотики! Улыбка совсем сползла с его лица, едва он осознал смысл вопроса. Его охватила паника, и он никак не мог с ней справиться. Как они могли так поступить с ним! Отак понял, что полицейский заметил его замешательство. Служебные взаимоотношения Отака, как он считал, всегда строились на честном слове, на доверии. Возможно, все эти разговоры о деликатном грузе — сплошное надувательство. Или он просто стал жертвой обмана. Мысли Отака путались в поисках доказательств его невиновности. Он почувствовал, что руки его задрожали...

— Не откроете ли фургон, джентльмены? — последовало требование.

Второй коп, сидевший в машине, наблюдал за происходящим и переговаривался с кем-то по радио. Охваченный страхом, Отак вылез из своего «форда». Он пытался убедить себя в том, что у него нет повода нервничать. Ведь ни один дурак не нанял бы его вести автомобиль, груженный наркотиками, по ночной трассе в Лос-Анджелесе со скоростью десять миль в час.

Отак отомкнул замок и распахнул двери фургона. Полицейский посветил внутрь фонариком. Алюминиевая труба вспыхнула отраженным светом. Несколько мгновений коп внимательно осматривал ее.

— Что у вас там? — задал он вопрос.

Оттак взглянул на полицейского. Волнение сдавило ему горло, а нервная улыбка исказила лицо. Чуть глуповато, с затаенной надеждой он пошутил:

— Мертвое тело.

3

9 февраля 1993 года, суббота. Суссекс

Видеокамера внимательно следила за Джо Мессенджером. Он завтракал, механически отправляя в рот кашу ложка за ложкой и листая «Таймс».

С характерным для него безразличным видом Джо одновременно обдумывал свой учебный план в Университете Исаака Ньютона, где он преподавал вот уже четвертый год. Он был профессором компьютерных наук. Углубившись в свои мысли, Джо чуть было не пропустил маленькую заметку в конце рубрики зарубежных новостей «Компания по замораживанию трупов находится в затруднении».

Джо читал «Таймс» каждое утро за завтраком — газета олицетворяла британский дух, подобно мармелладу «Данди» и молоку в бутылках. «Таймс» выходит более двухсот лет — это восхищало Джо, как и все, способное превысить срок человеческой жизни. Например, маленькая рыбка кой-камп, плавающая у него в аквариуме на посудном шкафу за стеной. Карп живет более двухсот лет.

Англия всегда нравилась Джо. Кое-что, конечно, его не устраивало, в частности недостаточное уважение к науке и научным исследованиям. Если в Америке наука священна, то в Англии ученые живут на крошечную зарплату и мечутся в поисках финансирования. Это притом, что именно здесь работают многие величайшие умы мира, во всяком случае наиболее изобретательные. Джо, однако, повезло. В свое время его соблазнили обещанием неограниченного финансирования работы, и до сих пор условия безогово-

рочно выполнялись. Единственная сложность в его жизни была связана с женой, Карен. И Джо не видел выхода из положения.

Карен была несчастна и всегда расстроена. Некогда она оказывала мужу горячую поддержку, но теперь та сошла на нет. Главным камнем преткновения послужили всевидящие видеокамеры в каждой комнате, на каждой стене. Джо давно уже просто не замечал их, хотя сначала, конечно, он тоже испытывал некоторую неловкость от их присутствия. Спустя две недели после переезда Карен потребовала убрать видеокамеры из спальни и ванной комнаты. Джо вроде бы подчинился. Но потом в ее отсутствие вернул их на место, тщательно замаскировав.

Карен с тоской смотрела на висящий над столом электронный глаз, фиксирующий ее мужа, жующего кашу, трехлетнего сына Джека, листавшего комиксы, ее саму, снимающую крышку с баночки фруктового йогурта...

— Не дожидайся, пока яйцо совсем остынет, — напомнила она сыну.

Мальчик послушно отодвинул книжку и ложечкой отковырнул белок крутого яйца. Положив его в рот, он затеял игру: убрал один из четырех кусочков тоста, разрезанного матерью, а оставшиеся сложил треугольником. Карен влюбленно смотрела на сына.

— Папа... — Ребенок нерешительно обратился к отцу, боясь его побеспокоить. Джо мельком взглянул на мальчика. Осмелев, Джек указал на три кусочка хлеба. — Папа, это треугольник?

Карен почувствовала теплую волну, исходившую от улыбки Джо, обращенной к сыну.

— Да, мой хороший, — сказал он. — А теперь сделай квадрат.

Джек добавил четвертый кусочек и составил квадрат.

— Точно, — одобрил Джо. — Так, а теперь давай...

— Нет, — прервала их Карен. — Он должен сначала доест свой завтрак. — Она поймала вспышку раздражения на лице мужа и почувствовала себя виноватой.

Она знала, с каким упорством Джо возвращал интерес Джека к науке, и радовалась этому. Однако порой это его стремление граничило с одержимостью; Джо легко увлекался любимым делом. Все или ничего.

Как с камерами.

Он утверждал, что через некоторое время она привыкнет к присутствию видеокамер. Но этого не произошло. Временами женщина ловила себя на том, что пытается куда-нибудь спрятаться от вездесущего ока. Но камера со слабым гудением поворачивалась, поднималась, опускалась, фокусируя свой электронный глаз на Карен. Словно напоминала, что никуда от нее не деться. Боже мой! Они ловили каждый миг ее жизни, их жизни. Каждая мелочь, движение или звук поступали в АРХИВ¹ — человекоподобный компьютер, который кодировал информацию в гексадецимальные разряды и запоминал ее.

Компьютер был проклятием жизни Карен, она желала ему смерти. Это странное желание означало, что в глубине души женщина невольно признавала его живым существом. Невозможно! Это выдумки Джо. Карен убеждала себя, что компьютер не может существовать сам по себе. Не может обладать эмоциями, влюбляться, наблюдать за двумя взрослыми человеческими существами и осмысливать все. А вдруг может?

Карен встретила Джо в Университете Торонто. Она была первокурсницей и подрабатывала в университетском журнале. Ей поручили взять интервью у этого сумасшедшего ученого, который в то время работал над созданием искусственного человеческого мозга. К своему изумлению, она обнаружила не какого-то одержимого очкарика, а довольно красноречивого светловолосого красавца, больше похожего на авантюриста, чем на ученого. Уже через несколько минут беседы с Джо она поняла, что его идеи —

¹ *ARCHIVE* (Anthropocomputer Host for Intelligent Virtual Existence) — биокомпьютерный образ для существования в виртуальной реальности (англ.) — Здесь и далее примеч. перев.

это нечто гораздо большее, чем буйная фантазия. Ему было по силам осуществить их. В свои двадцать семь лет он обладал твердыми принципами с оттенком жесткости, которую она находила одновременно пугающей и притягательной.

Через два месяца они были помолвлены, несмотря на решительные возражения против подобного брака со стороны ее ортодоксально настроенных родителей. Слабым утешением для них служил лишь факт, что будущий зять имеет докторскую ученую степень. Утешало их также и то, что Джо, убежденный атеист, с уважением и пониманием относился к еврейским обычаям и присоединялся к празднованию субботы.

Первые несколько лет после свадьбы они прожили, без сомнения, счастливо. Карьера тридцатилетнего Джо стремительно взлетела, когда он получил премию Макауртура за работу по нейронным сетям. Карен тоже была заражена энтузиазмом мужа.

Джо считал, что смерть можно победить путем загрузки информации из собственного мозга в компьютер. Скоро Карен не только поверила в осуществимость задуманного, но и яростно отстаивала эту идею перед его коллегами.

Но теперь все это позади.

Появление Барти изменило Карен. Он родился на второй год их совместной жизни. Джо безумно любил его. В трехлетнем возрасте Барти погиб в автокатастрофе. Джо как-то удалось с этим справиться, а Карен — нет. Джо всячески помогал ей пережить горе, он был добр к ней, в нем открылись качества, о существовании которых она даже не подозревала. Забота мужа помогла ей прожить три года. Беда, как ничто другое, сблизила их. И конечно, Карен спасла собственная работа.

До встречи с Джо Карен намеревалась работать на документальном телевидении. Она мечтала стать одновременно телеобозревателем и пишущим журналистом. В глубине души Карен все еще продолжала надеяться, что однажды начнет писать статьи для газеты «Нью-Йоркер».

После окончания университета первой ступенью ее карьеры было место тележурналиста в Торонто. Однако появление на свет Барти прервало перспективное продвижение по службе. Вернувшись через три месяца к работе, она обнаружила, что все ее карьерные амбиции потеряли свою значимость. Жизнь Карен теперь была полностью заполнена ребенком. После смерти Барти она вновь вцепилась в работу, и поддержка коллег помогла ей пережить эти страшные годы.

Карен уже была беременна Джеком, когда Джо предложили место профессора в ведущем университете и возможность продолжить исследования. Она радовалась при мысли о переезде в Англию. Таким образом они словно порывали с прошлым и начинали новую жизнь.

Карен очень скучала по своей работе. Джо с годами становился все более интересным мужчиной, и она страдала, видя, что ее красота уходит. Джо обладал удивительным обаянием. Карен замечала интерес на лицах других женщин при его появлении, их попытки пофлиртовать с ним...

Молодая женщина через стол смотрела на мужа. На нем была одна из его любимых мягких рубашек. В будни он носил такие рубашки с галстуком, полностью застегнутыми, в выходные — расстегивал верхнюю пуговицу и надевал безрукавку. С годами у Джо появилось несколько морщин, придававших чертам его лица мудрость и значительность. Его голубые глаза излучали свет и жизнь. Часто они смотрели на мир с таким интересом, словно видели его впервые. И тогда мудрость уступала место простодушию.

Интересно, что он видел, глядя на нее. Карен знала, что все еще привлекательна. И ей хотелось оставаться такой. Во время беременности Джеком она набрала лишний вес, но позже сумела избавиться от него. К счастью, рост пять футов и семь дюймов делал это незаметным. Роскошные волнистые черные волосы до плеч удлинняли лицо и придавали ему особую утонченность. Беспокойство доставлял лишь цвет лица, ставший после родов, по ее мнению, болезненно-желтоватым.